

М. М. КОРОБОВА *

ORCID ID: 0000-0003-1643-3209

ЛЕКСЕМЫ «ХОХОТ» И «ХОХОТАТЬ» В ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ДОСТОЕВСКОГО. ЗАМЕТКИ ЛИНГВИСТА

Аннотация: В статье предлагается описание функционирования слов *хохот* и *хохотать* в произведениях Ф. М. Достоевского. Случаи их употребления с учетом количественных данных распределены на основе семантики по шести типам, которые условно обозначаются как «хохот-звучание», «детский», «комический», «издевательский», «болезненный» и «хохот-неверие». Этот подход позволяет расширить представление о роли семантической парадигмы «Смех» в авторском поэтическом тезаурусе. Проведенное исследование показало, что в произведениях Достоевского среди выделяемых типов хохота преобладает хохот «комический». Отмечена специфическая роль слов *хохот* и *хохотать* в «Записках из Мертвого дома», а также в романах «Преступление и наказание», «Идиот» и «Бесы».

Ключевые слова: Достоевский, идиоглосса, смех, лексемы *хохот* и *хохотать*, смехотип, лексические показатели, дифференцирующие параметры смехотипа.

M. M. KOROBOVA

THE LEXEMES “LAUGHTER” AND “LAUGHING” IN THE POETIC DICTIONARY OF DOSTOEVSKY. LINGUIST’S NOTES

Annotation: The article discusses the description of the words *loud laugh* (*khokhot*) and *to laugh loudly* (*khokhotat’*) in the works of fiction by Fyodor M. Dostoevsky. All the cases of their usage with regard to quantitative data are distributed on the basis of lexical indicators for six laughing types, which are conventionally named as “laughter-sounding”, “childish”, “comical”, “mocking”, “painful” and “laughter-disbelief”. This approach makes it possible to expand the understanding of the role of the semantic field ‘Laugh’ in the author’s thesaurus. The conducted research has shown that in Dostoevsky’s works, among the distinguished types of loud laughter, the “comical” one prevails. The

* Марина Михайловна Коробова, научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Marina Mikhailovna Kolobova, researcher at the Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. mmkor1955@yandex.ru

special role of the words *loud laugh (khokhot)* and *to laugh loudly (khokhotat')* in the texts of the story "Notes from the Dead House", the novels "Crime and Punishment", "The Idiot" and "Demons" is shown.

Key words: Dostoevsky, idioglossa, laughter, loud laughter, to laugh loudly, laughter type, lexical indicators and differentiating parameters of laughter type.

Обычно исследователи, анализируя феномен смеха в творчестве Достоевского, имеют в виду понятие смеха как такового¹. Подобного рода трактовки содержатся и в работах современных авторов — М. Л. Спивак, А. В. Злочевской, А. Е. Кунильского². «Ситуация смеха идентифицируется в тексте при наличии в нем одного из следующих слов или их форм: *за-, на-, по-, рас-смеяться; на-, рас-смешишь; смех / смешно(й); на-, у-смеяться / усмехнуться; на-, у-смешка; улыбаться / улыбнуться / улыбка; за-, рас-хохот-(ать)(ся); осклабиться; ха-ха; (за-, по-, под-)хихи-(кать/кивать/кнуть)* и нек. др.»³. Каждое из указанных в этом перечне слов заслуживает отдельного рассмотрения с точки зрения особенностей их функционирования в художественной системе Достоевского. Отмечено, что именно у Достоевского чаще, чем у других известных писателей XIX в., встречаются «смеховые» слова, его персонажи чаще и «смеются», и «хохочут», и «хихикают»⁴. «Смеховые» лексемы часто имеют статус идиоглосс, т. е. слов, характеризующих авторский стиль. Многие из них опубликованы в словаре языка Достоевского⁵: слова *смех, смешной, смеяться, расхохотаться* опубликованы в Идиоглоссарии⁶, а слова *засмеяться, улыбаться, улыбка, улыбнуться, улыбочка, усмехаться, усмехнуться, усмешка* — в подготовительных томах словаря «Лексический строй идиолекта»⁷. В настоящее время идет работа над составлением последнего, шестого тома Идиоглоссария, куда войдут слова *хохот, хохотать, хихикать, хихикнуть* и новые редакции статей для слов с корнем *улыб-, усмех-/усмеши-*. Таким образом центр лексико-семантического поля «Смех» получит достаточно полное лексикографическое описание. В рамках данной

¹ См., напр.: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963; Лапшин И. И. Комическое в произведениях Достоевского // О Достоевском: сб. ст. / под ред. А. Л. Бема. Прага, 1933. С. 31–50.

² Спивак М. Л. Место и функции смеха в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 1986. № 5. С. 70–76; Злочевская А. В. Стихия смеха в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура: альманах. № 1 (ч. 1–3). СПб.–М., 1993. С. 25–47; Кунильский А. Е. Смех в мире Достоевского. Петрозаводск, 1994.

³ Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Homo Ridens // Слово Достоевского. М., 1996. С. 164.

⁴ См.: Ружижский И. В. 'Страх' и 'смех' Ф. М. Достоевского // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 486–487.

⁵ Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта. Вып. 1. М., 2001; Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. По–С. М., 2021.

⁶ Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. По–С. М., 2021.

⁷ Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта. Вып. 1. М., 2001.

задачи предлагаемая работа является попыткой продвинуть изучение этого вопроса.

Рассуждения о смехе как о феномене, характеризующем нравственно-философский статус персонажей Достоевского, встречаются в первую очередь в историко-литературных исследованиях, на эту тему написано немало диссертаций⁸. Есть и исследования лингвистов, однако они в основном строятся преимущественно на анализе употреблений слов *смех*, *смешной*, *смеяться*⁹. Возникает необходимость дополнить существующие представления о смехе у Достоевского описанием *хохота* с точки зрения выявления особенностей его семантики и функционирования обозначающих его слов с тем, чтобы попытаться охарактеризовать роль этого вида смеха в произведениях писателя. Основные лексические показатели изучаемого ряда слов — это в первую очередь слова *хохот* и *хохотать*, образованные от них глаголы начинательного способа действия — *захохотать* и интенсивного — *расхохотаться*, а также междометия: *ха-ха*, *ха-ха-ха*, *ха-ха-ха-ха*, *хе-хе*, *хе-хе-хе*, *хе-хе-хе-хе* (из всех существующих междометий этой группы у Достоевского отсутствует только *хо-хо*). Отметим, что Достоевский чаще других пользовался междометиями для обозначений хохота¹⁰; излюбленным является *хе-хе* — 67 раз (из них 32 раза в «Преступлении и наказании» и 15 раз в «Идиоте»), а также *хе-хе-хе* — 46 раз (из них 27 раз в «Преступлении и наказании», 8 раз в «Идиоте», 7 раз в «Братьях Карамазовых»). Среди однокоренных со словом *хохот* встречаются также слова *хохотун* (2 раза — 1, 194; 10, 354), *хохотунья* (2 раза — 2, 270; 2, 303), *хохотливый* (1 раз — 8, 402). В данной работе мы обратим внимание на слова *хохот* и *хохотать* как на главные маркеры ситуации хохота и охарактеризуем особенности их употребления в текстах Достоевского. Их частотные характеристики приведены в табл. 1.

⁸ См., например: *Комарова Т. С.* «Смеховой портрет» как средство характеристики персонажа в творчестве Достоевского 1846–1859 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2008; *Мухина С. А.* Феномен комического в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012; *Понкратова Е. М.* Смеховое и комическое в эстетике и поэтике Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012.

⁹ Кроме упомянутых выше работ Ю. Н. Караулова, Е. Л. Гинзбурга, И. В. Ружицкого см. также: *Ружицкий И. В.* «Смех» Достоевского глазами лексикографа // *Stephanos*. 2017. № 6 (26). С. 37–48.

¹⁰ По данным Национального корпуса русского языка, у таких писателей, как Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков, в основном встречаются лишь *ха-ха*, *ха-ха-ха*, да и то редко, у Л. Толстого, например, только *ха-ха-ха* и всего 4 раза; *хе-хе* в НКРЯ отмечено у Тургенева (9 раз) и Салтыкова-Щедрина (4 раза), Тургенев также практически единственный, кто использовал *хо-хо* (4 раза) и *хо-хо-хо* (2 раза). Данные взяты из Национального корпуса русского языка: ruscorgo.ru (дата обращения: 30.08.2023).

Частотные характеристики рассматриваемых слов

Слова	Всего	Произведения художественной прозы	Публицистика	Письма
Хохот	93	79	11	3
Хохотать	169	153	9	7
Для сравнения				
Смех	519	444	67	8
Смеяться	1207	988	171	48

При выяснении частотности употреблений видно, что слова *хохот* и *хохотать* встречаются в 5–6 раз реже, чем *смех* и *смеяться*, что вполне объяснимо, так как *смех* и *смеяться* являются доминантами соответствующих синонимических рядов. Хохот может описываться как само действие (глагол) и как указание на это действие (существительное). Из распределения частоты следует, что при описании ситуации хохота Достоевский предпочитает глагольное представление именному, опирается на свойственную глаголу повествовательную функцию¹¹. И это важно: по нашим наблюдениям, в том, что в выборе из пары слов *хохот* — *хохотать* Достоевский отдает предпочтение глаголу, усматривается авторская идиостилевая черта. Если сравнить по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹² использование этих слов другими писателями-современниками Достоевского, то окажется, что Л. Н. Толстой, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков чаще делали выбор в пользу существительного, т. е. формально стилистически приоритетным для них служило указание, обозначение ситуации хохота словом *хохот*, а не отображение ситуации как процесса посредством глагола. При этом для пары *смех* — *смеяться* у всех авторов, включая Достоевского, глагол *смеяться* употребляется чаще, чем существительное, или приблизительно поровну в случае Гончарова и Салтыкова-Щедрина.

Обращаясь к семантике слов *хохот* и *хохотать*, следует отметить, что все толковые словари русского языка, включая словарь В. И. Даля, единодушно в их истолковании: *хохот* — это ‘громкий смех’, *хохотать* — ‘громко смеяться’¹³, т. е. эта дефиниция отсылает нас к лексемам *смех* и *смеяться*. Для слов *смех* и *смеяться* выделяют два значения; условно их можно обозначить как ‘звучание, издавание звуков’ и ‘насмешка, издевка’. Однако мы полагаем, что у слов *хохот* и *хохотать*

¹¹ См.: Винокур Г. О. Глагол или имя (Опыт стилистической интерпретации) // Русская речь. Л., 1928. С. 87.

¹² Национальный корпус русского языка. 2003–2023.

¹³ Только в Большом академическом словаре добавлен компонент значения ‘громкий, не сдерживаемый смех’, ‘неудержимо громко смеяться’ См.: Словарь современного русского литературного языка. Т. 17. М.–Л., 1965. С. 428–430.

тоже целесообразно выделять второе значение — ‘насмешка, издевка’, и в текстах Достоевского этому находится подтверждение.

Смеховой мир Достоевского детально описан в статье Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга «Homo ridens» на основе проведенного ими лингвистического анализа романов «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы». В статье выделяется шесть типов смеха¹⁴: 1) смех-звучание; 2) смех «детский»; 3) смех комический; 4) смех неверия; 5) смех-издевка; 6) смех патологический. Кроме того, проанализированы лексические показатели для каждого типа смеха, которые, в свою очередь, обобщаются в классификационных параметрах, основные из которых — «кто», «как» смеется, «каким смехом, какой окраски», «какова причина-следствие» смеха. Некоторые параметры являются единичными и характеризуют только один из типов смеха, например параметр «объект» (*над кем*) или «цель» (*обидеть*); это уникальные компоненты смеха-издевки¹⁵.

Предложенную классификацию смехотипов и методику их выделения можно применить для анализа контекстов употребления слов *хохот* и *хохотать* — но не в отдельных произведениях Достоевского, а во всем корпусе текстов писателя. Относительно невысокая частота употребления этих слов облегчает выполнение данной процедуры.

На отдельных примерах поясним, как определялись смехотипы.

(1) [Доброселова] Домой приду веселая, радостная, крепко обниму наших, как будто после десятилетней разлуки. Начнут толки, разговоры, рассказы; со всеми здороваешься, смеешься, **хохочешь**, бегаешь, прыгаешь. С батюшкой начнутся разговоры серьезные, о науках, о наших учителях, о французском языке, о грамматике Ломонда — и все мы так веселы, так довольны. Мне и теперь весело вспоминать об этих минутах (1, 28).

(2) [Лиза Ставрогину] Я вам должна признаться, у меня тогда, еще с самой Швейцарии, укрепилась мысль, что у вас что-то есть на душе ужасное, грязное и кровавое, и... и в то же время такое, что ставит вас в ужасно смешном виде. Берегитесь мне открывать, если правда: я вас засмею. Я буду **хохотать** над вами всю вашу жизнь... Ай, вы опять бледнеете? Не буду, не буду, я сейчас уйду, — вскочила она со стула с безразличным и презрительным движением (10, 401).

В примере (1) слова, указывающие на счастливое состояние Вари как на своего рода «причину», т. е. почему хохочут (*веселая, радостная*),

¹⁴ Намеченная типология смеховых ситуаций не является исчерпывающей (что отмечают и сами авторы), но может дополняться и уточняться. И. В. Ружицкий полагает, что «шесть ситуаций смеха (точнее было бы сказать — функций смеха, или его интенций) следует расширить» и предлагает смех персонажей — демонических злодеев и шутов определять как маску» (*Ружицкий И. В. 'Страх' и 'смех' Ф. М. Достоевского // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 488*).

¹⁵ *Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Homo Ridens // Слово Достоевского. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 165–173.*

а также слова, указывающие на «фон» (*бегаешь, прыгаешь*), «следствие» (*веселы, довольны, весело вспоминать*), в совокупности позволяют отнести этот контекст к смехотипу «детский, радостный хохот». В примере (2) параметры «над кем» хохотать (*над вами* — Ставрогиным), «источник-причина» (*что-то... ужасное, грязное и кровавое, и... такое, что ставит вас в ужасно смешном виде*), «следствие» (*вы опять бледнеете*), «фон» (*с брезгливым и презрительным движением*), наличие синонима (*засмею*) служат основанием для отнесения хохотать к типу «издевательского» хохота.

Проанализированные и распределенные по смехотипам контексты для слов *хохот* и *хохотать* дают возможность представить количественную характеристику такого распределения (табл. 2). Вместе с глаголом *хохотать* при подсчете учтены также употребления глаголов *захохотать* и *расхохотаться*.

Таблица 2

Типы и частота употреблений слов «хохот» и «хохотать» в произведениях Достоевского

Произведения	звучание	Смехотипы				
		детский	комический	неверие	издевательский	болезненный
«Бедные люди»	—	1 (0+1)	1 (0+1)	—	3 (1+2)	—
«Двойник»	—	—	—	—	1 (0+1)	—
«Хозяйка»	—	—	—	—	3 (1+2)	—
«Ползунков»	—	—	3 (1+2)	—	—	—
«Слабое сердце»	—	1 (0+1)	—	—	—	—
«Чужая жена...»	1 (1+0)	—	6 (2+4)	—	—	1 (0+1)
«Белые ночи»	—	2 (0+2)	4 (0+4)	—	—	—
«Неточка Незванова»	—	1 (0+1)	2 (0+2)	—	3 (3+0)	5 (0+5)
«Маленький герой»	—	1 (0+1)	4 (0+4)	—	2 (0+2)	—
«Дядюшкин сон»	—	—	5 (1+4)	—	—	—
«Село Степанчиково...»	—	1 (0+1)	8 (3+5)	—	2 (1+1)	—
«Униженные и оскорбленные»	1 (0+1)	—	—	—	9 (3+6)	—
«Записки из Мертвого дома»	1 (1+0)	3 (2+1)	32(15+17)	—	—	1 (0+1)
«Скверный анекдот»	1 (1+0)	1 (0+1)	4 (1+3)	—	2 (1+1)	1 (1+0)

Произведения	Смехотипы					
	звуча- ние	детский	комиче- ский	неверие	издева- тельный	болез- ненный
«Записки из под- полья»	1 (<i>I+0</i>)	–	–	1 (<i>I+0</i>)	5 (<i>I+4</i>)	–
«Крокодил»	1 (<i>I+0</i>)	–	2 (<i>0+2</i>)	–	–	–
«Игроку»	–	–	7 (<i>2+5</i>)	–	8 (<i>0+8</i>)	1 (<i>0+1</i>)
«Преступление и наказание»	7 (<i>3+4</i>)	6 (<i>I+5</i>)	11 (<i>3+8</i>)	1 (<i>0+1</i>)	6 (<i>0+6</i>)	–
«Идиот»	–	–	17 (<i>2+15</i>)	–	16 (<i>4+12</i>)	9 (<i>I+8</i>)
«Вечный муж»	–	1 (<i>0+1</i>)	5 (<i>I+4</i>)	1 (<i>0+1</i>)	2 (<i>0+2</i>)	11 (<i>2+9</i>)
«Бесы»	–	1 (<i>0+1</i>)	15 (<i>5+10</i>)	1 (<i>0+1</i>)	21 (<i>5+16</i>)	–
«Подросток»	3 (<i>2+1</i>)	1 (<i>0+1</i>)	7 (<i>I+6</i>)	–	10 (<i>I+9</i>)	3 (<i>0+3</i>)
«Братья Карама- зовы»	–	1 (<i>0+1</i>)	18 (<i>2+16</i>)	1 (<i>0+1</i>)	4 (<i>I+3</i>)	1 (<i>0+1</i>)
«Кроткая»	–	–	–	–	1 (<i>I+0</i>)	–
Всего	16 (<i>10+16</i>)	21 (<i>3+18</i>)	151 (<i>39+112</i>)	5 (<i>I+4</i>)	88 (<i>22+69</i>)	34 (<i>4+30</i>)

Примечания. Для каждого типа хохота при указании совокупной частоты употребления (цифра выделена полужирным шрифтом) в скобках указывается ее распределение по отдельным лексемам: первая цифра относится к слову «хохот» (цифра выделена курсивом) + вторая — к слову «хохотать». Прочерк (–) в таблице означает, что в указанном произведении Достоевского не встречается соответствующего типа хохота.

Проиллюстрируем каждый из смехотипов примерами, по возможности достаточно однозначными и непротиворечивыми.

— Хохот-звучание. Он воспринимается наблюдателем (слушателем) как событие, происходящее в ином пространстве, в отделенном какой-то преградой помещении, как событие, воспринимаемое только на слух; это фиксация феномена хохота как такового, без каких-либо его дополнительных характеристик. Данный тип представлен небольшим количеством примеров (всего нами отмечено 16 словоупотреблений). Обычно единичные упоминания о хохоте являются элементами экспозиции, причем чаще встречается слово *хохот*: «Раздался шум и **хохот** <...>» (2, 55). [Аркадий подслушивает] «Уже раза два раздался его [Стебелькова] громкий **хохот** <...>» (13, 123). На этом фоне показательна частота хохота-звучания в «Преступлении и наказании» — *хохот* 3 раза, *хохотать* 4 раза, что можно отметить как особенность романа: такой хохот все время раздается вокруг Раскольниковца — слышится из квартиры, распивочной, а еще из кабака в его сне: «Дверь в дальнейшие помещения или клетки, на которые разбивалась квартира Амалии Липпневхель, была приотворена. Там было шумно и крикливо.

Хохотали. Кажется, играли в карты и пили чай. Вылетали иногда слова самые нецеремонные» (6, 22); «Его <Раскольников> почему-то занимало пенье и весь этот стук и гам, там, внизу <в распивочной>... Оттуда слышно было, как среди **хохота** и взвизгов, под тоненькую фистулу разудалого напева и под гитару, кто-то отчаянно же отплясывал, выбивая такт каблуками. <...> | “Не зайти ли?— подумал он. — **Хохочут!** Спьяну. А что ж, не напиться ли пьяным?”» (6, 122).

— Хохот детский. Фиксирует состояние переполняющей человека радости, безудержного веселья, переживание радости бытия и полноты жизни, хорошего настроения, часто выглядит как беспричинный. Ситуации «детского хохота» также немногочисленны (21 употребление, см. табл. 2), они описаны в основном посредством использования глагола *хохотать*. Например, радостно хохочет Настенька в «Белых ночах»: «Она сияла радостью, она ожидала ответа. <...> Сначала она всему **хохотала**, всякому слову моему смеялась. <...> | — Знаете ли, отчего я так рада? <...> так рада на вас смотреть? так люблю вас сегодня?» (2, 128); Надя в «Вечном муже»: «<...> [Надя] **хохотала**, прыгала, взвизгивала <...> она была счастлива ужасно <...>» (9, 75). Особо следует отметить экстагически хохочущего Фалалея («Село Степанчиково...»): «Надо было посмотреть, что делалось тогда с Фалалеем: он плясал до забвенья самого себя, до истощения последних сил, поощряемый криками и смехом публики; он взвизгивал, кричал, **хохотал**, хлопал в ладоши; он плясал, как будто увлекаемый постороннею, непостижимой силою, с которой не мог <...>. Это были минуты истинного его наслаждения <...>» (3, 64). Есть пример и собственно хохота ребенка в романе «Бесь»: «Он <полуторагодовалый ребенок>, должно быть, недавно расплакался; слезки стояли еще под глазами; но в эту минуту тянулся ручонками, хлопал в ладошки и **хохотал**, как **хохочут** маленькие дети, с захлипом. Пред ним Кириллов бросал о пол большой резиновый красный мяч <...> ребенок кричал: “Мя, мя!”» (10, 184).

Примечательно, что, как и в случае хохота-звучания, особое место детский хохот занимает в «Преступлении и наказании». В романе встречается пять употреблений глагола *хохотать* и один раз слова *хохот* при описании дурашливой потасовки Николая и Митьки: [Зосимов] «Ложат они <Николай и Митька> поперек дороги и проход загораживают; их ругают со всех сторон, а они, “как малые ребята” (буквальное выражение свидетелей), лежат друг на друге, визжат, дерутся и **хохочут**, оба **хохочут** взапуски, с самыми смешными рожами. <...> всего только один вопрос: **хохот**, ребяческая драка под воротами, — с топорами, с кровью, с злодейскою хитростью, осторожностью, грабежом? <...> Тотчас же убили <...> и вдруг, бросив и тела, и квартиру отпертую <...> они, как малые ребята, валяются на дороге, **хохочут**, всеобщее внимание на себя привлекают <...>!» (6, 109) Упоминание о хохоте маляров в романе встречается дважды — в рассказе Зосимова и потом в разговоре Порфирия Петровича с Раскольниковым, и именно детский хохот

Николая и Митьки (*как малые ребята*) является своего рода аргументом для подтверждения их невиновности.

Следует отметить контексты, где детский хохот приобретает свойство эмблематичности. В романе «Братья Карамазовы» в «художественных» рассуждениях Ивана Карамазова изощренно-садистским действиям турок противопоставлен младенец, хохот которого указывает на детскую доверчивость: «У них затеялась веселая штучка: они ласкают младенца, смеются, чтоб его рассмешить, им удастся, младенец рассмеялся. В эту минуту турок наводит на него пистолет в четырех вершках расстояния от его лица. Мальчик радостно **хохочет**, тянется ручонками, чтоб схватить пистолет, и вдруг артист спускает курок прямо ему в лицо и раздробляет ему головку» (14, 217).

Эмблематичен и хохот Исайя Фомича («Записки из Мертвого дома»), свидетельствующий о радости: «<...> плач и рыдания означают мысль о потере Иерусалима <...>. Но <...> в минуту самых сильных рыданий он, Исайя Фомич, *должен вдруг*, как бы невзначай, вспомнить (это вдруг тоже предписано законом), что есть пророчество о возвращении евреев в Иерусалим. Тут он должен немедленно разразиться радостью, песнями, **хохотом** и проговаривать молитвы так, чтобы самым голосом выразить как можно более счастья, а лицом как можно больше торжественности и благородства» (4, 95).

— Не будем подробно останавливаться на характеристике хохотаневерия — ситуации, когда один из собеседников не принимает всерьез утверждения другого, отвечая на него обычно каким-либо вопросом. По нашим наблюдениям, таких контекстов в произведениях Достоевского не более пяти. Приведем только один пример из романа «Бесы»: «— Э, cher, — зашептал он <С. Т. Верховенский> почти на ухо, — под вами вдруг раздвигается пол, вы опускаетесь до половины... Это всем известно. | — Басни! — вскричал я <Хроникер>, догадавшись, — старые басни, да неужто вы верили до сих пор? — Я **расхохотался**» (10, 333).

Перейдем к основным типам хохота у Достоевского. В статье «Homo ridens» зафиксировано: «Тип “комического” смеха (наряду с “издевательским” <...>) оказывается преобладающим у Достоевского <...>»¹⁶. Данное утверждение справедливо и для хохота. И далее указывается, что смех издевательский несколько даже превосходит смех комический¹⁷. Но это утверждение для слов *смех* и *смеяться* опирается на исследование текста трех романов, нами же для слов *хохот* и *хохотать* учитывались все словоупотребления во всех произведениях художественной прозы Достоевского, и каждое из них было отнесено к тому или иному смехотипу. В результате исчерпывающей кластеризации материала обнаружилось, что в художественных текстах Достоевского

¹⁶ Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Homo Ridens. С. 167; разрядка авторов.

¹⁷ Там же. С. 170.

преобладает хохот комический. По нашим подсчетам, совокупно для слов *хохот* и *хохотать* (включая *захохотать* и *расхохотаться*) соотношение комического и издевательского хохота — 151 случай словоупотребления к 88 (см. табл. 2).

— Хохот комический. Он фиксирует ситуацию юмористического типа, это веселый, заразительный хохот, его источником может быть беззлобная шутка, острота, смешная ситуация (имеется в виду изображенный, упоминаемый хохот персонажей, а не автора или читателя). Его важное свойство состоит в том, что, по существу, он никого не обижает и не оскорбляет. Конечно, в отдельных контекстах возможны другие варианты, но речь идет о преимущественных характеристиках, определяющих данный смехотип. Здесь также следует отметить, что указание на комический хохот часто появляется в развернутых сценах в соседстве с другими словами лексико-семантического поля «Смех», и в таких сценах Достоевский использует потенциал всего синонимического ряда: *смех, смеяться, смешной, ха-ха-ха* и пр.; мы, однако, сфокусируемся только на словах *хохот* и *хохотать*. В «комическом» смехотипе *хохот* и *хохотать* употребляются в значении 'звук; издавать звук' и, по сравнению со словами *смех* и *смеяться*, обозначают в первую очередь более сильное звучание. Здесь следует учесть, что слова *хохот* и *хохотать* по своему происхождению звукоподражательные (*хо-хо, ха-ха*), поэтому в восприятии читателя они более экспрессивны, «громче», «взрывнее», «напористее» и как бы выразительнее слов *смех* и *смеяться*¹⁸, причем выразительность эта не только акустическая, но и визуальная. *Хохот* и *смех* различаются, помимо характера звука, еще и мимикой субъекта, смеющегося. «Хохот предполагает громкий, ничем не сдерживаемый смех, который можно издавать только широко раскрыв рот, причем при хохоте сотрясается все тело субъекта»¹⁹. Например: «<...> Николай Всеволодович всегда, бывало, веселился его <Лебядкина> стишками и **хохотал** над ними, иногда схватясь за бока» (10, 210).

Среди произведений первого периода творчества Достоевского в изображении комического хохота, конечно, первенствует рассказ «Чужая жена и муж под кроватью»: «Когда вы вылезете <из-под кровати>, я думаю, всяк, кто посмотрит на вас, **захохочет**» (2, 74); «— Боже мой! какой смешной человек! — кричала дама, надрываясь от **хохота**» (2, 79). Комический хохот также особенно заметен, «слышен» в рассказе «Маленький герой». В других произведениях («Ползунков», «Белые ночи», «Неточка Незванова») хохот упоминается в отдельных эпизодах и обычно обозначается как действие: «Тип, тип! какой тип? — закричала

¹⁸ В данном случае мы опускаем возможности сочетаемости, характеризующей разными способами *смех* и *смеяться* (т. е. сочетания с определениями или наречиями способа действия, которые также могут служить для создания выразительности).

¹⁹ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000. С. 312.

девушка, **захохотав** так, как будто ей целый год не удавалось смеяться. — Да с вами превесело!» (2, 111)

В произведениях второго периода творчества Достоевского описания хохота встречаются в повестях, восходящих к замыслу «комического романа», — «Дядюшкин сон»²⁰: «Марья Александровна <слушая монолог князя о лакеях> **хохочет** с самым восторженным увлечением и даже хлопает в ладошки. Павел Александрович вторит (выделено нами. — М. К.) ей от всего сердца: его чрезвычайно занимает дядя. **Захотала** и Настасья Петровна. Улыбнулась даже и Зина. | — Но сколько юмору, сколько веселости, сколько в вас остроумия, князь! — восклицает Марья Александровна. — Какая драгоценная способность подметить самую тонкую, самую смешную черту!..» (2, 313) и «Село Степанчиково и его обитатели»: «Фома!.. — вскричал было дядя, но всеобщий **хохот** покрыл слова его. Фома Фомич так и заливался. Видя это, рассмеялся и дядя» (3, 157). В названных произведениях из типов хохота преобладает именно комический, в отличие, например, от романа «Униженные и оскорбленные», в котором почти нет места юмору, или в отличие от романа «Игрок», где беззаботно хохочет только мадемуазель Бланш.

Выдающееся место в изображении комического хохота занимают «Записки из Мертвого дома». Об этом свидетельствуют как количественные характеристики — *хохот* (15 раз), *хохотать* (13 раз), *захохотать* (3 раза), *расхохотаться* (1 раз), так и обилие развернутых сцен хохота. Во-первых, это диалоги балагуриющих арестантов, доходящие порой до драки, но при этом не переходящие в издевательский хохот. Как пишет Достоевский, «подобные сцены были чрезвычайно невинны и разыгрывались, как в комедии, для всеобщего удовольствия; до драки же никогда почти не доходило» (4, 23). Например: «Я вам, Александр Петрович, доложу, что был я очень красив из себя и очень меня любили девки... — начал вдруг ни с того ни с сего Варламов. | — Врет! Опять врет! — прерывает с каким-то визгом Булкин. | Арестанты **хохочут**» (4, 115).

Того же свойства описание театральной постановки в остроге, сопровождаемой непрерывным хохотом (причем реакция зрителей передается в основном именно «более громкими» словами *хохот* и *хохотать*, а *смех* и *смеяться* практически не употребляются): «Благодетельная помещица была тоже в своем роде чрезвычайно замечательна: она явилась в старом, изношенном кисейном платье, сморщившим настоящей тряпкой <...> в спальном коленикоровом чепчике <...> с зонтиком в одной руке и с веером из разрисованной бумаги в другой, которым она беспрерывно обмахивалась. Залп **хохоту** встретил

²⁰ При этом, возможно, вопреки ожиданиям, в повести «Дядюшкин сон» Достоевский практически обходится без слов *хохот* и *хохотать* (*хохот* встречается 1 раз, *хохотать* — 2 раза, *захохотать* — 2 р.), в «Селе Степанчикове и его обитателях» эти слова встречаются чаще (*хохот* 5 раз, *хохотать* — 4 раза, *захохотать* — 4 раза).

барыню; да и сама барыня не выдержала и несколько раз принималась **хохотать**. Играл барыню арестант Иванов. <...> пьеса кончилась к самому полному и всеобщему удовольствию. Критики не было, да и быть не могло» (4, 125). Такие случаи, как нам представляется, можно интерпретировать как подтип комического хохота — грубоватого, карнавального, народного, площадного, «бесцензурного». Одним из его показателей можно считать всеобщность, совместность и, в известном смысле, обезличенность субъекта (субъект здесь — арестанты, публика, зрители). Тем не менее в романе есть и особый хохот, который по форме, с точки зрения субъекта, относится к «комическому» типу, однако это весьма специфический хохот: речь идет о хохоте Жеребятникова и Смекалова²¹.

Если говорить о крупных романах, то комический тип хохота отмечается в каждом из них, при этом ненамного, но все же превосходя по объему хохот издевательский, а в «Братьях Карамазовых» превосходя даже значительно (см. табл. 2). В «Подростке», а также в «Вечном муже» хохот комический встречается редко, упоминается вскользь, попутно в отдельных эпизодах, впрочем, всегда представляя интерес для анализа при характеристике как персонажей, так и конкретных событий. В «Преступлении и наказании» есть знаковый эпизод со словами *хохот* и *хохотать* из сна Раскольникова — избиение лошади совершается под грубый, площадной комический хохот толпы. А вот два романа — «Идиот» и «Бесы», можно сказать, заряжены комическим хохотом (примерно поровну с издевательским). В каждом из них есть развернутые коллективные (*компания, толпа*) смеховые сцены: «Вся компания уже набилась в гостиную. Одни пили, другие кричали и **хохотали**, все были в самом возбужденном и непринужденном состоянии духа» (8, 143); [Хроникер о «кадрили литературы»] «Вдруг раздался громкий смех над одною проделкой в кадрили <...>. **Хохот** толпы приветствовал, конечно, не аллегория, до которой никому не было дела, а просто хождение вверх ногами во фраке с фалдочками. Лембке вскипел и затрясся. | — Негодяй! — крикнул он, указывая на Лямшина, — схватить мерзавца, обернуть... Обернуть его ногами... Головой... Чтоб голова вверху... Вверху! | Лямшин вскочил на ноги. **Хохот** усиливался. | — Выгнать всех мерзавцев, которые смеются! — предписал вдруг Лембке. Толпа загудела и загрохотала» (10, 391).

Однако встречаются также и примеры персонифицированного хохота. Так, в романе «Братья Карамазовы» следует особо выделить Дмитрия Карамазова — комическим хохотом (по крайней мере внешне, имея склонность видеть в определенных обстоятельствах смешную сторону) в романе хохочет именно он, можно сказать, что это его характерологическая черта: «— Гениальная мысль! — восторженно перебил Митя. <...> — Он торгует, с него дорого просят, а тут ему именно

²¹ Похожий хохот у Млекопитаева из «Скверного анекдота».

документ на самое владение, ха-ха-ха! — И Митя вдруг **захохотал** своим коротким деревянным смехом, совсем неожиданным, так что даже Самсонов дрогнул головой» (14, 336). Конечно, при этом создается впечатление неоднoplanовости, двойственности такого смеха, прежде всего за счет использования в ближайшем контексте слов *неожиданный* (т. е. 'неуместный'), *восторженно, короткий деревянный смех*, возможно, указывающие на болезненность, ненатуральность хохота. О такой двойственности хохота Мити говорит Грушенька: «Да он раздражен, да веселый. Он и все раздражен, да на минутку, а там веселый, а потом вдруг опять раздражен. И знаешь, Алеша, все я на него дивлюсь: впереди такой страх, а он даже иной раз таким пустякам **хохочет**, точно сам-то дитя» (15, 11).

Говоря о хохоте комическом, следует иметь в виду, что Достоевскому «одноплановость, однонаправленность видения и осмысления смеха, как, впрочем, и любых иных проявления человеческого духа, совершенно не присуща: двойничество, двойственность, альтернативность и амбивалентность — вот определяющая черта и доминантный прием <...>»²². Чтобы показать трудности и возможную неоднозначность при интерпретации типов хохота, разберем один контекст из романа «Идиот», пример (3).

(3) «<Князь Мышкин> я вовсе не имел намерения... иметь честь просить ее руки... даже когда-нибудь... Я тут ни в чем не виноват, ей-богу, не виноват, Аглая Ивановна! Я никогда не хотел, и никогда у меня в уме не было, никогда не захочу, вы сами увидите: будьте уверены! Тут какой-нибудь злой человек меня оклеветал пред вами! Будьте спокойны! | Говоря это, он приблизился к Аглае. Она отняла платок, которым закрывала лицо, быстро взглянула на него и на всю его испуганную фигуру, сообразила его слова и вдруг разразилась **хохотом** прямо ему в глаза, — таким веселым и неудержимым **хохотом**, таким смешным и насмешливым **хохотом**, что Аделаида первая не выдержала, особенно когда тоже поглядела на князя, бросилась к сестре, обняла ее и **захохотала** таким же неудержимым, школьнически веселым смехом, как и та» (8, 284).

В статье Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга этот пример иллюстрирует комический смех²³, и по отношению к смеху Аделаиды это верно. Однако в тексте говорится, что она «захохотала таким же (выделено нами. — М. К.) неудержимым, школьнически веселым смехом», как и Аглая, и здесь надо различать смех/хохот Аделаиды, для которой это лишь комическая ситуация (она реагирует на слова князя как на своего рода *qui pro quo*), тогда как для Аглаи — драма (когда *сообразила его слова*), это хохот после ее слез, и в контексте искусным образом скрыта

²² Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Homo Ridens. С. 168.

²³ Там же. С. 162, 165.

подоплека двойственности (или даже «тройственности») хохота — одновременно веселого (внешне), насмешливого и болезненного (внутри), если взять всю ситуацию целиком, с учетом анафорических (8, 283) и катафорических связей (8, 285), ситуацию, начиная от «последней степени негодования» Аглаи через ее «истерическое состояние», до «горьких слез» и «закрытого лица платком», который она отняла после слов об отказе князя и только тогда «разразилась хохотом», вряд ли комическим, но скорее маскирующим сложные, драматичные личные переживания, а потом — «смеялась порывами».

Интересно также отметить, как реализуют поэтическую функцию определения к слову *хохот*, данные в параллельной конструкции: *веселый, смешной* — во внешнем восприятии, глазами Аделаиды, а *неудержимый*, как и *насмешливый*, — с позиции Аглаи, и здесь уже имеет смысл говорить о сочетании смехотипов. И определения *смешной* и *насмешливый хохот* в отрыве от контекста могут восприниматься только как плеоназм, тогда как здесь вскрывается глубокая мотивировка использования именно таких определений и в такой комбинации с учетом оценки хохота с разных точек зрения нескольких персонажей.

Противоречивость комического смеха определяет его «срединное, центральное положение на “смеховой шкале”, из-за чего он в чем-то тяготеет к смеху доброму, здоровому, но в чем-то содержит зародыши смеха злого, то есть издевательского и бесовского»²⁴. Это суждение в известной степени относится и к рассмотренному выше примеру. В «Записках из Мертвого дома» показателен пример хохота над Исаем Фомичом, который видит, что над ним смеются, но не обижаются, и имеющееся в тексте указание, что его *все как будто даже любили и никто не обижал*, дает основание отнести этот хохот скорее к «комическому» типу: «Исай Фомич еще раз осмотрел заклад, сложил и бережно сунул его в свой мешок при продолжавшемся **хохоте** арестантов. Его действительно все как будто даже любили и никто не обижал, хотя почти все были ему должны. <...> Лучка, знавший на своем веку много жидков, часто дразнил его, и вовсе не из злобы, а так, для забавы <...>» (4, 94).

Примеров двойственного смысла в произведениях Достоевского довольно много, однако, выявляя типы «хохота» в контексте его произведений, мы опирались в первую очередь на формальные признаки (наличие лексических показателей), что не исключает возможности дальнейшего конкретного анализа отдельных контекстов с учетом presuppositional, анафоры и катафоры, других видов текстовых связей слов *хохот* и *хохотать*.

— Хохот издевательский. Принципиальное отличие этого типа от других состоит в том, что он является намеренным и направленным на определенного адресата, у него всегда есть объект и определенная цель. Представляется важным, что этот тип хохота подразумевает

²⁴ Там же. С. 169.

реализацию и второго значения, т. е. он проявляется не только собственно в звучании, но и насмешливых репликах, умышленных колкостях, отражающих презрительное отношение к собеседнику (например, когда Лиза говорит Ставрогину, что она будет хохотать над ним «всю жизнь», см. выше пример (2)). Если в ситуации комического хохота, как правило, смешно всем, порой даже и тому, над кем (обычно добродушно) подтрунивают, то при издевательском хохоте «обижаемый» и «обидчик» всегда этически противопоставлены, цель обидчика — унизить, уязвить собеседника, выразить ему свое неуважение или даже презрение.

Приведем примеры такого рода в романах Достоевского, указывающие на распределение персонажей по «ролям»: кто и над кем хохочет с издевкой.

Кто хохочет (с издевкой)	Над кем
Свидригайлов	над Раскольниковым (6, 221; 371)
Катерина Ивановна	над Амалией Ивановной (6, 298)
Настасья Филипповна (и она же, упоминаемая как «необыкновенное и неожиданное существо» и «эта тварь»; в общей сложности 5 раз)	над Тощим, Епанчиным, Рогожиным (8, 36; 274; 141; 143)
Аглая (она же «хладнокровный бесенок»)	над князем Мышкиным (8, 284; 298; 425)
Рогожин	над князем Мышкиным (8, 303)
Ипполит	над генералом Иволгиным (8, 396)
Вельчанинов	над Трусоцким (9, 47)
Липутин	над Лебядкиным (10, 96)
Прасковья Ивановна	над Варварой Петровной (10, 131)
Юлия Михайловна	над Лембке (10, 340)
П. Верховенский (он же «изверг»)	над Степаном Трофимовичем (его письмами) (10, 240)
Лиза	над Степаном Трофимовичем (10, 98), Ставрогиным (10, 401)
Лебядкина	над Ставрогиным (10, 219)
Ставрогин	над Федькой (10, 221)
общество у Дергачева	над Аркадием (13, 51)
князь Сережа (расхохочется по мнению Дарзана)	над Аркадием (13, 115)
Катерина Николаевна	над Аркадием (сцена из сна Аркадия) (13, 306)
Оля	над Версиловым (13, 146)
Дарзан	над Стебельковым (13, 184)
Бьоринг	над Анной Андреевной (13, 436)
бабы (баба злая, вредная)	над Колей Красоткиным (14, 476)
Перхотин	над стихами Ракитина (15, 17)

Издвательский хохот, так же как и комический, встречается чаще всего в романах «Идиот» и «Бесы». В «Идиоте» хохот с издевкой характеризует Настасью Филипповну, для которой он является своего рода оружием в борьбе с оскорбительными для нее ситуациями. Характерно, что он часто переходит в хохот болезненный: «<...> тут **хохотало** пред ним <Тоцким> и кололо его ядовитейшими сарказмами необыкновенное и неожиданное существо, прямо заявившее ему, что никогда оно не имело к нему в своем сердце ничего, кроме глубочайшего презрения, презрения до тошноты, наступившего тотчас же после первого удивления» (8, 36). Похожий хохот можно встретить и у Аглаи, а в «Бесах» — у Лизы Дроздовой. В романе «Бесы» нередко хохот с издевкой возникает в адрес С. Т. Верховенского, одновременно он характеризует Петра Верховенского, «изверга», по определению Степана Трофимовича: «Я так **хохотал**. Вообще твои письма прескучные; у тебя ужасный слог. <...> Но это, это последнее твое письмо — это верх совершенства! Как я **хохотал**, как **хохотал**! | — Изверг, изверг! — возопил Степан Трофимович» (10, 240).

Различие комического и издевательского хохота можно продемонстрировать, сравнив их лексические показатели для некоторых параметров (см. табл. 3).

Таблица 3

Лексические показатели комического и издевательского типов хохота

Параметр	Комический хохот	Издвательский хохот
Как хохочут	От души, во все горло; так, как будто целый год не удавалось смеяться; до слез, как ребенок, простодушнейшим образом, самым простодушным смехом, до слезинок, впуски, до истерики, досыта, как девочка; неудержимым, школьнически веселым смехом; от всего сердца, чрезвычайно и совершенно искренно, схватясь за бока, громко и отрывисто, точно заржал, с треском, безмерно, искренно и весело, внутри, страшно, ужасно; так, что даже и старец не выдержал; своим коротким деревянным смехом, совсем неожиданным; своим неожиданным коротким смехом, точно сам-то дитя	Злобно и неслышно, злобно так, злобно и неистово, желчно, презрительно, нервно и раздражительно; в глаза, прямо в лицо; во всю здоровую глотку, во все горло; отвратительно, как безумная, как иступленная; своим прежним хохотом, то-неньким и со взвизгами

Параметр	Комический хохот	Издевательский хохот
Последствия хохота	Засмеялся вместе с нею, не обиделся, Восторг зрителей беспредельный!, все в восторге, начал наконец смеяться, были в самом возбужденном и непринужденном состоянии духа, стал улыбаться, с радостным и счастливым выражением, решил потешить, вся тоска сразу оставила мое сердце, смеются, не унимаются	Уличил в вероломстве, продолжал с хладнокровием, раздражительно продолжал, хлопнула дверь и вышла, рыдал как в истерике, проговорил в ярости, ненавистно глянула, проскрежетал, обиделся, стиснул зубы, бросился на свою супругу, трепетал от ярости; убит, становилось грустно, лицо позеленело, «Так ты ему в рожу дай»
Эмоциональная окраска хохота	Неудержимый, звонкий, школьнически веселый, сиплый, сиплый, дикий, себе на уме, бесстыдный	презрительный, тоненький и со взвизгами, насмешливый, долгий, звонкий, с переливами и перекатами, наивнейший

В издевательском хохоте можно выделить его семантический максимум — хохот дьявольский, бесовский, он может не иметь конкретного персонифицированного адресата и субъект такого смеха — не просто враждебно настроенная персона с недобрым (часто ситуативным, а не постоянным) отношением к кому-либо, а как бы само воплощение злого начала, отрицательного отношения ко всему. Такова графиня из «Униженных и оскорбленных», о которой Валковский говорит, что «это был сам дьявол во плоти»: «<...> насмешка над всем, о чем графиня проповедовала в обществе как о высоком, недоступном и ненарушимом, и, наконец, этот внутренний дьявольский хохот и сознательное попираание всего, чего нельзя попирать, — и все это без пределов, доведенное до самой последней степени <...>» (3, 364).

Хохот болезненный. Этот смехотип по объему контекстов для слов *хохот* и *хохотать* в произведениях Достоевского занимает третье место после комического и издевательского, так же как и для слов *смех* и *смеяться*²⁵. Болезненный хохот — проявление истерической реакции крайне возбужденного человека, психически и эмоционально находящегося в пограничном душевном состоянии, поэтому такому хохоту часто сопутствуют слезы, он «может обозначать болезненную реакцию на сильнейшее душевное потрясение, напоминающую обычный хохот»²⁶: «Наконец она <мадам Леотар> пошла к княгине

²⁵ Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Homo Ridens. С. 171.

²⁶ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000. С. 313.

и объявила ей все, что подметила, — что мы <Неточка и Катя> обе в каком-то иступлении <...> поминутно целуемся, плачем, **хочожем** как безумные, — как безумные без умолку болтаем <...> ей кажется, что княжна в каком-нибудь болезненном кризисе <...>» (2, 221); «Неподвижное и серьезное лицо Раскольникова преобразилось в одно мгновение, и вдруг он залился опять тем же нервным **хохотом**, как давеча, как будто сам совершенно не в силах был сдержать себя. И в один миг припомнилось ему до чрезвычайной ясности ощущения одно недавнее мгновение, когда он стоял за дверью, с топором, топор прыгал, они за дверью ругались и ломились, а ему вдруг захотелось закричать им, ругаться с ними, высунуть им язык, дразнить их, смеяться, **хохотать, хохотать, хохотать!** | — Вы или сумасшедший, или... — проговорил Заметов...» (6, 126); «Аделаида давно уже заметила в подергивающихся чертах лица Аглаи признаки быстрого и неудержимого смеха, который она сдерживала покамест изо всей силы. Аглая грозно было посмотрела на рассмеявшихся сестер, но и секунды сама не выдержала и залилась самым сумасшедшим, почти истерическим **хохотом**; наконец вскочила и выбежала из комнаты» (8, 427). В крупных романах болезненный хохот отличает многих персонажей — как женских, так и мужских. В «Преступлении и наказании» это Раскольников, Катерина Ивановна; в «Идиоте» — Настасья Филипповна, Аглая, Рогожин, Ипполит; в «Бесах» — Лиза, Ставрогин; в «Подрутке» — Версиллов; в «Братьях Карамазовых» — Лиза Хохлакова. В «Записках из Мертвого дома» есть указание и на случай такого хохота клинического больного: «<...> вдруг его <Острожского> ввели к нам в палату как сумасшедшего. Он вошел с визгами, с **хохотом** и с самыми неприличными, с самыми камаринскими жестами пустился плясать по палате» (4, 159).

Подведем итоги: 1) слова *хохот* и *хохотать* встречаются в произведениях Достоевского в 5–6 раз реже по сравнению с главными словами синонимического ряда *смех* и *смеяться*; 2) при описании хохота из пары слов *хохот* — *хохотать* чаще употребляется глагол; 3) подобно словам *смех* и *смеяться*, слова *хохот* и *хохотать* также распределяются по шести смехотипам; 4) употребления слов *хохот* и *хохотать* чаще всего относятся к комическому типу, на втором и на третьем месте хохот издевательский и болезненный; 5) подобно *смеху*, *хохот* может быть персонализированным и характерологическим; 6) в художественном наследии писателя можно отметить четыре произведения, отличающиеся значительной частотой употребления слов *хохот* и *хохотать*, — «Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание», «Идиот» и «Бесы».

Библиографический список

- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 2-е. М., 1963. 363 с.
- Винокур Г. О. Глагол или имя (Опыт стилистической интерпретации) // Русская речь. Л., 1928. С. 75–93.
- Злочевская А. В. Стихия смеха в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура: альманах. № 1 (ч. 1–3). СПб.–М., 1993. С. 25–47.
- Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Homo Ridens // Слово Достоевского / под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1996. С. 160–186.
- Комарова Т. С. «Смеховой портрет» как средство характеристики персонажа в творчестве Достоевского 1846–1859 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2008. 26 с.
- Кунильский А. Е. Смех в мире Достоевского. Петрозаводск, 1994. 85 с.
- Латишин И. И. Комическое в произведениях Достоевского // О Достоевском: сб. ст. / под ред. А. Л. Бема. Прага, 1933. С. 31–50.
- Мухина С. А. Феномен комического в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 251 с.
- Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.08.2023).
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000. 487 с.
- Понкратова Е. М. Смеховое и комическое в эстетике и поэтике Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 20 с.
- Ружицкий И. В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос. М., 2015. 543 с.
- Ружицкий И. В. «Смех» Достоевского глазами лексикографа // Stephanos. 2017. № 6 (26). С. 37–48.
- Ружицкий И. В. ‘Страх’ и ‘смех’ Ф. М. Достоевского // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 483–494.
- Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 17. М.–Л., 1965. 2126 стб.
- Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Т. V (По–С) / гл. ред. Ю. Н. Караулов, науч. ред. И. В. Ружицкий. М., 2021. 1027 с.
- Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 2001. 442 с.
- Спивак М. Л. Место и функции смеха в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 1986. № 5. С. 70–76.

References

- Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. 2nd ed. Moscow, 1963. 363 p. (In Russ.)
- Karaulov Iu. N., Ginzburg E. L. Homo Ridens. In: *Slovo Dostoevskogo*. Moscow, 1996. Pp. 160–186. (In Russ.)
- Komarova T. S. “*Smekhovoi portret*” *kak sredstvo kharakteristiki personazha v tvorchestve Dostoevskogo 1846–1859 gg.* [“A portrait of a laugh” as a means of

- characterizing a character in Dostoevsky's works of 1846–1859]: thesis of dissertation of PhD in Philology. Magnitogorsk, 2008. 26 p. (In Russ.)
- Kunil'skii A. E. *Smekh v mire Dostoevskogo* [Laughter in the world of Dostoevsky]. Petrozavodsk, 1994. 85 p. (In Russ.)
- Lapshin I. I. *Komiceskoe v proizvedeniiakh Dostoevskogo* [Comic in the works of Dostoevsky]. In: *O Dostoevskom*. Praga, 1933. Pp. 31–50. (In Russ.)
- Mukhina S. A. *Fenomen komicheskogo v tvorchestve F. M. Dostoevskogo* [The phenomenon of the comic in the works of F. M. Dostoevsky]: dissertation of PhD in Philology. Moscow, 2012. 251 p. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. 2003–2023. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed: 30.08.2023). (In Russ.)
- Novyi obiasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo iazyka*, iss 2. [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, 2000. 481 p. (In Russ.)
- Ponkratova E. M. *Smekhovie i komicheskoe v estetike i poetike F. M. Dostoevskogo* [Laughter and comic in the aesthetics and poetics of F. M. Dostoevsky]: thesis of dissertation of PhD in Philology. Tomsk, 2012. 20 p. (In Russ.)
- Ruzhitskii I. V. *Iazyk Dostoevskogo: idioglossarii, tezaurus, eidos* [Dostoevsky's language: idioglossary, thesaurus, eidos]. Moscow, 2015. 543 p. (In Russ.)
- Ruzhitskii I. V. "Smekh" Dostoevskogo glazami leksikografa [Dostoevsky's "laughter" through the eyes of a lexicographer]. *Stephanos*, 2017, no. 6 (26), pp. 37–48. (In Russ.)
- Ruzhitskii I. V. 'Strakh' i 'smekh' F. M. Dostoevskogo [F. M. Dostoevsky's 'fear' and 'laughter']. *Neofilologiya*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 483–494. (In Russ.)
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka*: in 17 vols., vol. 17 [Dictionary of modern Russian literary language]. Moscow — Leningrad, 1965. 2126 col. (In Russ.)
- Slovar' iazyka Dostoevskogo: Idioglossarii*. Vol. V (Po — S) [Dictionary of Dostoevsky's language: Idioglossary]. Moscow, 2021. 1027 p. (In Russ.)
- Slovar' iazyka Dostoevskogo: Leksicheskii stroi idiolekta*. Iss. 1 [Dictionary of Dostoevsky's language: Lexic structure of idiolect]. Moscow, 2001. 442 p. (In Russ.)
- Spivak M. L. Mesto i funktsii smekha v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [The place and functions of laughter in the works of F. M. Dostoevsky]. *Vestnik of Moscow State University. Ser. 9. Filologiya*, 1986, no. 5, pp. 70–76. (In Russ.)
- Vinokur G. O. Glagol ili imia (Opyt stilisticheskoi interpretatsii) [Verb or name (Experience of stylistic interpretation)]. In: *Russkaia rech'*. Leningrad, 1928. Pp. 75–93. (In Russ.)
- Zlochevskaya A. V. Stikhiia smekha v romane "Idiot" [The element of laughter in the novel "The Idiot"]. In: *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*: al'manakh, no. 1 (parts 1–3). Saint Petersburg — Moscow, 1993. Pp. 25–47. (In Russ.)